УДК 347.2

Садреева А.Е.
студент 4 курса
кафедра гражданского права и процесса
Казанский институт (филиал)
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
(г. Казань, Россия)

Научный руководитель:
Мотрохин Е.Ю.
кандидат юридических наук, доцент
кафедра гражданского права и процесса
Казанский институт (филиал)
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
(г. Казань, Россия)

ЦИФРОВЫЕ ОБЪЕКТЫ И ВЕЩНОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОБОСОБЛЕННОСТИ

Аннотация: *статья посвящена проблеме применения вещно-правового режима к цифровым объектам, которые обладают экономической ценностью, но лишены физической формы и пространственных границ. Рассматривается критерий пространственной обособленности, который в классической цивилистике считается признаком вещи.*

Ключевые слова: *цифровой объект, вещное право, пространственная обособленность, гражданско-правовой режим, правовая природа.*

Вещное право традиционно связывает возникновение и защиту прав с объектами, которые обладают физической формой, занимают определенное место в пространстве и могут быть индивидуализированы. Именно данные свойства – материальность и пространственная обособленность – лежат в основе классического понятия вещи и определяют возможность применения вещно-правовых способов защиты [1, с. 467]. Однако современный имущественный оборот все чаще включает объекты, которые данным требованиям не отвечают. Невзаимозаменяемые токены, уникальные записи в блокчейне, объекты метавселенной – все они обладают экономической ценностью, отчуждаются, наследуются, но не имеют физического тела и не занимают места в пространстве.

Центральной проблемой является критерий пространственной обособленности. В классической цивилистике он традиционно рассматривается как один из признаков вещи, то есть она занимает определенное место в пространстве, имеет границы и может быть индивидуализирована. Цифровые объекты данным свойством не обладают. Вместе с тем в доктрине отсутствует единый подход к его пониманию. Пространственная обособленность рассматривается как обязательное свойство вещи, либо как юридико-технический инструмент, содержание которого может быть переосмыслено применительно к цифровым объектам. От этого зависит возможность распространения на них вещно-правовой защиты. Пространственная обособленность обеспечивает определенность объекта, исключительность владения и снижение информационных издержек. Такой признак позволяет индивидуализировать вещь, отделить ее от других объектов и определить принадлежность, что обеспечивает устойчивость и предсказуемость имущественного оборота [2, с. 146].

Цифровизация имущественного оборота поставила перед вещным правом вопрос, требующий переосмысления классической доктрины. Цифровые объекты – NFT, записи в блокчейна, объекты в метавселенной – имеют экономическую ценность, отчуждаются, закладываются и наследуются, то есть функционально выступают имуществом.

Цифровизация изменила материальную основу правоотношений, распространив их на цифровую среду. Цифровые объекты обладают рядом свойств вещей, включая отчуждаемость, исключительность владения. Их пространственная обособленность может иметь функциональный характер, поскольку идентификаторы, записи в реестрах и ключи доступа позволяют индивидуализировать объект и ограничить доступ третьих лиц.

Различия между цифровыми объектами предопределяют неодинаковость их правового режима. NFT существует на специализированных платформах, например, Solana, и представляет собой запись в смарт-контракте, подтверждающую принадлежность цифрового объекта. Их уникальность обеспечивается стандартами, а оборот – рыночными механизмами платформ. Однако, несмотря на техническую специфику цифровых объектов, правоприменительная практика постепенно вырабатывает подходы к их квалификации. Поворотным для признания цифровых активов имуществом стало дело о банкротстве гражданина Царькова по делу № А40-124668/2017. Арбитражный суд города Москвы определением от 05.03.2018 года первоначально отказал финансовому управляющему во включении содержимого криптокошелька в конкурсную массу, сославшись на отсутствие законодательного регулирования и невозможность установить принадлежность кошелька должнику [4]. Однако Девятый арбитражный апелляционный суд постановлением от 15.05.2018 года определение отменил, указав, что любое имущество должника, имеющее экономическую ценность для кредиторов, не может быть произвольно исключено из конкурсной массы, и обязал должника передать управляющему доступ к кошельку.

Однако при всей значимости приведенных активов они демонстрируют лишь отдельные шаги в квалификации цифровых активов, но не формирование единого подхода. Суды признают криптовалюту «иным имуществом» по смыслу статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), допускают ее включение в конкурсную массу и применение обеспечительных мер, но избегают прямой вещно-правовой квалификации [5].

Между тем единый подход к цифровым объектам невозможен без учета существенных различий между их видами. Криптовалюта – взаимозаменяемый актив, определяемый родовыми признаками. Конституционный суд РФ признал ее имуществом с ограниченной правоспособностью, то есть это препятствует виндикации, требующей индивидуально-определенного объекта. NFT обладает уникальным идентификатором, но технически является цифровым сертификатом, а не самим объектом. В доктрине NFT квалифицируется как иное имущество. Объекты же метавселенной зависят от платформы. Покупателю передается лишь право владения в форме NFT, а виртуальные земельные участки не являются результатами интеллектуальной деятельности.

Классический виндикационный иск применим только к индивидуально-определенным вещам. Механическая трансплантация виндикации в цифровую среду признается методологически сомнительной, поскольку предметом истребования здесь обычно выступает не индивидуально-определенная вещь в натуре, а цифровая ценность или цифровое право, существующее через систему учета. Невозможно принудительно отчуждать криптовалюту со счета правонарушителя без его воли – ключ доступа к криптокошельку имеется только у его владельца.

Практика вырабатывает альтернативные подходы. Показательно дело гражданина Тимченко, который в 2023 году законным образом приобрел 1000 единиц USDT и передал их партнеру для реализации, однако тот не вернул ни деньги, ни стейблкоины. Тимченко обратился в суд с иском об истребовании имущества из чужого незаконного владения, но суды отказали, сославшись на то, что он не информировал налоговый орган о фактах обладания цифровой валютой. Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в Постановлении от 20.01.2026 № 2-П признал такой отказ недопустимым, указав, что ограничение, препятствующее судебной защите имущественных требований, вытекающих из законного обладания цифровой валютой, не соответствует Конституции [6]. КС РФ также зафиксировал, что формирование правового режима цифровой валюты остается незавершенным, а определение

цифровой валюты в законе не позволяет отнести ее ни к одному из признаваемых видов имущества. КС РФ фактически признал цифровую валюту особым объектом, не сводимым ни к вещам, ни к безналичным денежным средствам. Тем самым высшая судебная инстанция подтвердила, что классические вещно-правовые конструкции не применимы к цифровым объектам в их традиционном понимании, а формирование их правового режима остается незавершенным.

Действующее регулирование не позволяет однозначно определить правовой режим цифровых объектов, что порождает противоречивую практику. Для устранения пробела целесообразно признать цифровые объекты самостоятельными объектами гражданских прав, поскольку они не сводятся ни к вещам, ни к обязательственным правам, ни к результатам интеллектуальной деятельности. Однако отнесение их к «иному имуществу» по статье 128 ГК РФ лишь констатирует имущественную природу, не создавая специального режима. Цифровые права в действующей редакции – это имущественные права, а не самостоятельный объект. Поэтому в доктрине, например, ученый В. В, Крессом, предлагается исключить цифровые права из статьи 128 ГК РФ и включить в нее цифровое имущество как самостоятельный объект. Это не противоречит принципу закрытого перечня объектов, поскольку законодатель сам определяет новый тип объекта. Кроме того, целесообразно ввести механизм защиты, альтернативный виндикации - обязать ответчика совершить обратную передачу токена или корректировку системной записи, поскольку принудительное изъятие технически невозможно без ключа владельца.

Пространственная обособленность представляет собой не онтологическое свойство вещи, а юридико-технический критерий, содержание которого может быть переосмыслено. В цифровой среде ее функции выполняют криптографические механизмы. Уникальные цифровые объекты обладают достаточной совокупностью свойств для вещно-правовой квалификации, тогда как криптовалюты, NFT, объекты метавселенной – нет. Практика признает цифровые активы имуществом, но не наделяет их вещно-правовым статусом, что требует законодательных изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Щенникова Л.В. Необходимые элементы общих положений о вещных правах // Ученые записки Казанского университета. 2016. № 2. С. 465–473
2. Мануилов А.В. Цифровая вещь как она есть // Правоведение. 2025. № 1. С. 125–149 https://doi.org/10.21638/spbu25.2025.107
3. Определение Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу А40-124668/2017 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1444056 (дата обращения: 20.10.2026)
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.02.2026 № 2-П // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_524655/ (дата обращения: 20.10.2026)

Sadreeva A.E.
student of 4th year
Department of Civil Law and Procedure
Kazan Institute (branch)
All-Russian State University of Justice
(Kazan, Russia)

Scientific advisor:
Motrokhin E.Yu.
PhD in Law, Associate Professor
Department of Civil Law and Procedure
Kazan Institute (branch)
All-Russian State University of Justice
(Kazan, Russia)

DIGITAL OBJECTS AND PROPERTY LAW: PROBLEMS OF SPATIAL DISTINCTNESS

Abstract: *the article examines the application of property law to digital objects that have economic value but lack physical form and spatial boundaries. It considers the criterion of spatial distinctness, traditionally regarded in classical civil law scholarship as a defining characteristic of a thing.*

Keywords: *digital object, property law, spatial distinctness, civil law regime, legal nature.*